

КАЗАХСКАЯ (КИІЗ ҮЙ) И КЫРГЫЗСКАЯ (БОЗ ҮЙ) ЮРТА В АСПЕКТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СЕМИОЗИСА

Альмира Наурзбаева¹

¹ Казахская национальная консерватория имени Курмангазы
(Алматы, Казахстан)

Аннотация. Казахская (киіз үй) и кыргызская (боз үй) юрта, представляя собой предметный мир культуры, выступают как текст, с каждым прочтением которого открываются его новые смыслы. Цель данного исследования в том, чтобы рассмотреть возможности анализа этнокультурного кода и семиозиса юрты в аспекте методологии культурной семиотики Юрия Лотмана, основанной на «презумпции семиотичности», обеспечивающей перспективы междисциплинарного подхода к феномену текста и культуры.

Семиология и ее возможности находить новые способы «разглядеть» мир, сокрытый в знаках, актуализировала обращение к языковой картине мира как вербально выраженной национальной картине мира. В юрте переплетались архитектурное мастерство, архитектура, искусство. В центре анализа концептосфера как подсистема семиосферы. Используются методы визуальной семиотики в сочетании с принципами геосемиотики, которая рассматривает принципы социального означивания пространства. Использован также частный аспект метода визуальной антропологии для толкования цветообозначения кыргызской юрты.

Неслучаен акцент на этническом (казахском и кыргызском) назывании юрты, поскольку только в аутентичном языковом выражении культурный артефакт может обсуждаться как концепт. Юрта рассматривается как концепт «дом», обладающий универсальным и этнически особым значением, заключенный в его этимологии. Рассмотрен вопрос о причинах различия в номинировании юрты в казахском и кыргызском языках: «киіз үй» и «боз үй».

Поиск этнокультурной стратегии семиозиса казахской киіз үй и кыргызской боз үй юрты показал перспективность применения семиотических стратегий в изучении как объектов современной культурной среды, так и артефактов традиционной культуры. Новые подходы позволят преодолеть стереотипы в толковании смыслов культурных знаков.

Ключевые слова: семиозис, казахская юрта (киіз үй), кыргызская юрта (боз үй), этнокультура, концепт, семиосфера, геосемиотика.

Для цитирования: Наурзбаева, Альмира. «Казахская (киіз үй) и кыргызская (боз үй) юрта в аспекте этнокультурного семиозиса». *Central Asian Journal of Art Studies*, т. 8, № 1, 2023, с. 66–81. DOI: 10.47940/cajas.v8i1.673.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи и заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Введение

В ноябре 2014 года ЮНЕСКО признала традиционные знания и навыки изготовления казахской и кыргызской юрты нематериальным достоянием человечества, поскольку это древнейшее кочевое жилище тюркских народов хранит ценности культуры и комплекс представлений о мире и человеке, пространстве и времени, гармонии неба и земли, жизни и смерти. Юрта изучалась и изучается в разных аспектах научных интересов, проявляемых к материальной культуре кочевых тюркских народов. Между тем с расширением стратегий семиотических подходов открываются новые возможности предметной сферы изучения языка культуры. Предметом обсуждения в данной статье является традиционное жилище казахов *кнiз уй* и кыргызов *боз уй* в аспекте семиозиса пространства, закодированного в языке «сокрытых» знаний этих народов.

Кнiз уй и *боз уй*, рассматриваемые в призме семиотических очевидностей, выступают как текст, каждое прочтение которого открывает все новые потаенные смыслы его вербальных и невербальных знаков. Прежде всего акцент делается на собственном этническом назывании жилищ, поскольку в них запечатлен глубинный смысл и они тем самым рассматриваются как концепты культуры. А также есть убежденность в том, что использование названий артефактов культуры в этнической терминологии более корректно, поскольку в данном случае названия юрты и все ее структурные составляющие номинированы народами, исходя не только из особенностей ее практического назначения, а шире — знаковой природы «долингвистического пространства языка» (по терминологии известного семиолога Ю. Кристевой) (285), и внутренними смыслами сакральной природы юрты, точнее — дома (*уй*).

Знаковая система как концептосфера объединяет языковое сознание, эстетико-символические традиции того или иного этноса. Этим обусловлена обращенность к семиотическим принципам исследования и их безграничным возможностям находить новые способы «разглядеть» мир, сокрытый в знаках. Языковая картина мира, отражающая национальную картину мира, представлена языковыми единицами разных уровней. И, соответственно, наше миропонимание частично находится в плену у языковой картины мира.

В центре проводимого анализа концептосфера как структурный элемент семиосферы, в которой закодированы в разных конфигурациях культурно значимые смыслы, ментальный мир, этноязыковое сознание. В нашем рассмотрении находится концепт «юрта/дом» в прочтении различных культурных традиций. В классической науке оседлость и кочевничество традиционно предстают как два различных типа культурного обустройства мира. Поэтому интерес вызывает вопрос об универсальном и этнически особенном в концептосфере «юрта/дом».

Наряду с этим *кнiз уй* и *боз уй* представляют интерес и как предметная область семиотики пространства, которую именно эта особенность сближает с визуальной семиотикой, поскольку здесь органически сплелись и взаимодействуют природные и культурные факторы, участвующие в процессе семиозиса и обнаруживаемые в различных сферах семиотического анализа.

Тем самым, следуя основным принципам семиотического подхода к изучаемому объекту, в данном исследовании предпринимается попытка рассматривать *кнiз уй* и *боз уй* в призме пространственного семиозиса не только как способ семиотизации пространства, но и саму их семиосферу как множественность взаимодействующих неоднородных языков и знаков культуры.

Методы

Рассматриваемый объект и поставленные задачи определили методологические подходы исследования, которые в первую очередь опираются на комплекс семиотических подходов в установлении предметных границ изучения казахской и кыргызской юрты в рамках этносемиозиса. Этот подход обусловлен тем, что целесообразным видится, во-первых, понимание семиотики как метода анализа механизмов смыслопорождения в культуре. Исходным моментом такого анализа является понимание культуры как «семиосферы», т. е. как пространства непрерывного смыслопорождения в процессе взаимодействия различных языков культуры и её текстов (Лотман, 152; Merkoulouva, 655).

Во-вторых, концептосфера, понимаемая Д. Лихачевым (5) как совокупность концептов нации, выходящей за пределы собственно семантической сферы, представленной языковыми значениями слов, позволяет рассматривать различие языковой концептуализации как совокупность приемов семантического представления плана содержания лексических единиц в разных культурах (Вежбицкая 238). Предлагаемый подход лежит в основе методологии этнолингвокультурологии, которая, по сути, является междисциплинарной и вбирает в свой ресурс, соответственно, подходы как этнолингвистики, так и лингвосомиотики. В частности, лингвистическая процедура неизбежна в понимании происхождения основных концептов данного исследования — «юрта», казахского «киіз үй» и кыргызского «боз үй» для того, чтобы понять, почему один и тот же артефакт имеет различные наименования, и объяснить причины этого лексического расхождения.

В-третьих, в связи с тем, что в кыргызском наименовании юрты делается акцент

на цветовом ее определении, т. е. с точки зрения лингвистики выражено лексемой «боз» — «серый», актуализируется вопрос о символике этого цвета в культуре кыргызов, что выводит анализ на подходы «визуальной семиотики, ориентированной на зрительную модальность ощущений и пересекаемой с семиотикой пространства» в предметной сфере (Чертов 88).

В-четвертых, продуктивным видится представление Ю. Лотмана о том, что фундаментальной основой семиозиса и исходной точкой любой семиотической системы является не отдельный знак, а отношение знаков, формирующих семиотическое пространство (152).

В-пятых, пожалуй, эффективно могут проявиться «социосемиотические стратегии», указывающие «на важность исследования семиотических аспектов пространства и места путем тщательного изучения социального значения знаков в материальном мире» (Skrede and Andersen). В частности, этот методологический посыл новейших стратегий, применимых в исследовании по большей части формирования семиотического пространства городской среды, применим в рассмотрении вопроса о семиотике пространства юрты, традиционно рассматриваемого вне учета важного компонента семиозиса — знакового потенциала геосреды, вне стратегии так называемой «геосемиотики» (Piege).

Таким образом, исходные позиции методологии данного исследования могут быть представлены в следующих основных тезисах:

- культура семиотична и выступает как знаковая система;
- культура и текст тождественны;
- задача семиотического исследования в изучении вопроса: как язык передает модели мира и как человек понимает прочитанный текст;
- семиосфера — семиотическое пространство, оно неоднородно

- и включает в себя различные неравномерные семиотические подсистемы;
- существуют «ядерные структуры» и некое неструктурированное семиотическое пространство культуры.

Обсуждение

Не утихает научный интерес в изучении различных аспектов юрты как феномена культуры тюркских кочевых народов. Вполне объяснимо, что этнография и этнология в первую очередь оказались заинтересованными в изучении жилища разных народов и интерес к юрте, безусловно, не оказался без должного внимания. Интересно отметить, что не только описанием юрты, ее строением и внутренним убранством, но и поиском исконного названия жилища, его этимологией интересовались такие этнографы, как Peter Simon Pallas (Петр Симон Паллас; 1741–1811), к которому апеллирует немецкий антрополог Richard Karutz (Рихард Карутц; 1867–1945) в своем труде «Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке» (218).

В частности, главу «Аул и кибитка» он начинает с уяснения происхождения названий «палатки» (так он сам называет жилища местных людей) — «кибитка» и «юрта». Р. Карутц пишет, что используются оба этих названия, но на Мангышлаке кибиткой называют само жилище, а юртой — место, где оно было установлено и оставлено пустым после ухода аула. Несколько сомнительной видится подобная интерпретация использования местными казахами названий своего жилища. Между тем Р. Карутц сам выражает сомнение в этимологии этих понятий: «Происходит ли слово “кибитка” от калмыцкого “кибит”, что обозначает “небольшую мелочную лавку”, как полагает Паллас, или оно киргизского происхождения, мне трудно решить» (74).

Думается, что этнографы и антропологи, не владевшие местным языком и пользовавшиеся услугами переводчиков, не всегда могли быть уверенными в точности значений иноязычных для них слов и выражений. Вместе с тем в этимологических словарях происхождение слова «кибитка» связывается с тюркским «kebit», означающим лавку, магазин. И как в свое время перед Р. Карутцем, так и сегодня остается нерешенным вопрос об исконном значении слова «кибитка», которое интерпретируется то как жилище кочевника, т. е. юрта, то как лавка.

Авторы этимологических и толковых словарей (Даль, Ушаков, Шанский и др.) связывают происхождение слова «юрта» от тюркского «jurt» (юрт, журт — *каз.*), которое в одних случаях означало место стоянки, в других — переносное жилище тюркских и монгольских кочевых народов. Следует отметить, что в самих тюркских языках слово «jurt» (юрт, журт) означает род, семья, шире — народ, родовые земли, родина. Тем самым мы имеем результат переноса названия жилища кочевых тюрков, использовавшихся европейскими учеными-этнографами: результат подобного словообразования — рождение общеупотребительного термина «юрта». В этом словарном значении «юрта» интерпретируется только как переносное жилище кочевников, оставив за границами восприятия его первородного сакрального и ценностно нагруженного смысла. Для человека понятие «дом» больше, чем жилище: он символизирует макро- и микрокосм его бытия.

Нелишне вспомнить слова Плутарха в «Пире семи мудрецов», где он рассказывает о словесной дуэли Эзопа и Анахарсиса. Последний в ответ на насмешливую реплику Эзопа о том, что у того нет дома, «и бездомностью своею он гордится; а живет он в повозке так, как Солнце,

говорят, в своей колеснице объезжает в одну пору одну сторону неба, а в другую пору — другую». На что Анахарсис ответил, что бог, с которым сравнивает его Эзоп, — «этот бог или единственный свободный, или хотя бы самый свободный из богов: он живет по собственному закону, он всевластен и никому не подвластен, он царствует и держит бразды. ...Ты же смотришь на изделия каменщиков и плотников и говоришь, будто дом — это именно это, а не то, что обретается внутри, — дети, супруги, друзья, служители и все прочее, что, будучи устроено сообща, разумно и здравомысленно, даже в муравьиной куче или птичьем гнезде называлось бы хорошим и счастливым домом» (Плутарх 252).

Понятия «дом» и «бездомность» возникают в этом контексте не только как универсальная по своей природе символическая бинарная оппозиция, но и как конфликт интерпретации языка иного культурного типа: здесь — оседлого и кочевого. Между тем концепт «дом» имеет свою универсальную архетипическую матрицу значения, которая, безусловно, в контексте различных культурных целостностей (этнических, религиозных, цивилизационно ориентированных) получает свою вариативную систему значений и смысла. Так, Е. Шутова и И. Степанова в статье «Дом и бездомье в философско-антропологической рефлексии» обосновывают идею того, что «Дом являлся одним из важнейших системообразующих факторов антропосоциогенеза» (104). Утверждая, что «человек и его Дом оказываются тесно связанными между собой, ибо человек различных исторических эпох создает свое место в мире, которое он окультуривает в виде Дома», и его можно «рассматривать как объективацию сущности человека». Вместе с тем к историческим типам бездомья наряду с путешествиями,

странствиями, скитальчеством, странничеством, паломничеством, пилигримством, миграцией, бродяжничеством, бомжееством и т. д. исследователи отнесли и кочевье (Шутова и Степанова 107).

Подобная комбинация утверждений рождает следующее умозаключение: антропосоциогенез обошел каким-то образом стороной целый социокультурный тип конно-кочевой цивилизации, сыгравшей свою интегрирующую роль в формировании новых сообществ Евразии (пожалуй, и не только), и ее культурно-историческую вариативность. Думается, что подобного рода стереотипы, которые зачастую бытуют в научном дискурсе, связаны с отягощенностью централизованной парадигмой. Она трудно изживаема, поскольку сама наука и, прежде всего, социогуманитарная логоцентристская методология имеет собственное измерение мира, опирающееся на гуманистический посыл с позиции урбанизированного мироустройства. К примеру, науки этнология, этнография, культурная антропология и другие в этом ряду «мыслят» зачастую и «говорят» на языке исследователя, находящегося под диктатом научной эпистемы.

О. Шпенглер некогда делился мыслью о том, что западному мыслителю недостает прозрения в исторической относительности собственных выводов, «которые и сами являются выражением *одного-единственного, и только этого одного*, существования; знания необходимых границ их значимости; убеждения, что его «непреложные истины» и «вечные достижения» истинны только для него и вечны в его аспекте мира и что долг его — искать за ними истины, с такою же уверенностью высказанные человеком других культур (60). Понятно, что критический дискурс западного мира О. Шпенглера был следствием процесса европейского самопознания в кризисную

эпоху, сопровождавшегося попытками представить мир в разнообразии культурных целостностей и форм. Однако сам О. Шпенглер отмечал, что «морфология всемирной истории неминуемо становится универсальной символикой», так же как и его философия является отображением западной души ее цивилизационной стадии, «чем и определяется ее мировоззренческое содержание, ее практические последствия и сфера ее значимости» (61).

Если рассматривать юрту как жилище кочевников через призму описания ее этимологии в общепринятом назывании — «юрта» как производного из общетюркского «jurt», то ресурс семиозиса сведется к поиску только тех оснований, которые формируют ее в рамках ограниченной концептосферы. Юрта в этой интерпретации предстает только как символическое отождествление с родом, местом рождения, семейным устройством, родителями и родными и т. п. Поэтому более корректным, отвечающим целям исследования, видится предпринимаемый здесь анализ в аспекте этнически обусловленного семиозиса, поскольку знаковая система как концептосфера объединяет и языковое сознание, и эстетико-символические традиции того или иного этноса.

Результаты

Казахи называют юрту «киіз үй», а кыргызы — «боз үй». И в том, и в другом назывании *үй* означает «дом», что подтверждается сведениями из «Этимологического словаря тюркских языков» (Севортян 513). Концепт «дом» в мировой культуре имеет свои устойчивые универсалии или так называемые «архетипические» коды. В частности, это связано с тем, что архетип дома — сакрально означенное пространство: это его качество соотносят с сакральностью мирового

древа, с представлениями о священной оси мира. И, как известно, дом относят к «ключевым концептам» культуры, которые активно изучаются в различных гуманитарных науках. «Ключевые концепты культуры — это закодированные в слова особенности миропонимания и мировосприятия, характерные для некоторого общества (или языковой общности), представляющие собою “бесценные ключи» к пониманию культуры”, — ссылаясь на лингвокультурологическую теорию А. Вежбицкой, утверждают авторы статьи «Концепт “дом” в гуманитарных науках: анализ понятийного, ценностного и образного компонентов» (Потураева и Шерина). И то, что концепт «үй» — «дом» во всех значениях основных концептуальных универсалий для кочевых тюркских народов является ключевым и не может вызывать особых вопросов, если не руководствоваться «лингвистическими» или «культурными» стереотипами. Казус «бездомности» для кочевых тюрков, скорее всего, будет связан только с вынужденным покиданием родовых мест, отлучением от рода, семьи, поскольку дом для них не пристанище.

Как известно, жилища с древности строились вокруг условной, символически означенной оси мира, которая обеспечивала связь между тремя уровнями: небесным, земным и подземным. Тем самым и пространству дома придавался сакральный смысл. Также оппозиция «верх-низ» является важной в осмыслении структуры Вселенной (верх — небо, низ — земля, а также верх — небо, низ — преисподняя, середина — земля, соединяющая небо и преисподнюю) (Иванов и Топоров 98–100), проецировалась на символическое пространство дома.

Сакральный смысл дома для тюркских кочевников также заложен в семиозисе пространства, опирающегося на так

называемое «долингвистическое пространство языка», что Ю. Кристева называет «генотекстом», понимаемым «как бесконечное означающее» (Кристева 194). Другими словами, дом как сакральное пространство онтологического мира кочевых тюрков имеет такую же универсальную природу пространственного семиозиса, где «ядерные структуры», погруженные в неупорядоченный знаково-символический мир культуры, берут на себя функции кодирования этого пространства и тем самым приводят его к потенциально развиваемому состоянию означивания и смыслопорождения.

В частности, процесс семиозиса пространства юрты прослеживается в воображаемой модели Космоса, запечатленного в трехструктурной тенгрианской картине мира: известны памятники древнетюркской письменности, в которых воспроизводится миф о сотворении «сынов человеческих» между «голубым небом» (Тенгри) и «бурой землей» (Умай). Именно эта трехчастная вертикаль и несла функцию «ядерной структуры» и являлась ключом, кодом пространственного семиозиса как «проекция» на макро- и микромир семиотического пространства дома кочевника.

Безусловно, макрокосм кочевника в первородности семиозиса — мифологически закрепленная картина мира, выступающая как структурная матрица идеологем. Микромир, концентрируемый вокруг упорядочивания жизни социума, в свою очередь, незримо присутствует в процессе семиозиса и отличается особой семиотической динамикой, т. е. ресурсом семиотизации многомерного социального пространства с позиции диахронии. Тем самым юрта может рассматриваться не только как артефакт, символизирующий культуру кочевников, но и объект, «который указывает на важность исследования

семиотических аспектов пространства и места путем тщательного изучения социального значения знаков в материальном мире» (Skrede and Andersen).

В аспекте социального семиозиса попытаемся рассмотреть казахский *книз үй* и кыргызский *боз үй*. Думается, что излишне доказывать, поскольку это общеизвестный факт, что в общих чертах и формой конструкции, орнаментами, убранством и самим материалом покрытия — *книз* (войлок) — они идентичны. Между тем интересен факт номинирования юрты разными лексическими единицами одного и того же визуального признака в казахском и кыргызском языках, т. е. имеющееся различие лексического выражения одного и того же понятия идентичных реалий в родственных языках. По-видимому, здесь мы сталкиваемся с разными акцентами пространственной семиотизации и ее вербального означивания. Принимая во внимание факт того, что существуют различные системы семиотизации пространства, обратимся к внутренней логике пространственного кодирования и его концептуальным основаниям кочевых тюрков.

«Книз үй» дословно — войлочный дом, т. е. название по преобладающему материалу внешнего и внутреннего покрытия. Безусловно, здесь более сложная семантическая позиция участвующих в номинировании юрты коннотаций. Первое значение: указываемый материал служит определенным маркером, поскольку существовали и другие разновидности домов, изготовленных из других материалов, к примеру, «агаш үй» (деревянный), «жер үй» (непереносной, построенный на земле).

Второе значение указывает на то, что символической доминантой является материал (шерсть) изготовления войлока, который отсылает к знаку

сакрального животного (приносимого в жертву). Соответственно, мыслительно-образная проекция наделяет свойствами сакрального и само пространство юрты. Практически вся палитра казахского орнамента, запечатлевшая картину мира кочевых тюрков, их сакральные знания, вписана в изделия из шерсти.

Кыргызы называют юрту «боз үй», буквально — серый дом. Акцент в наименовании сделан на цветовой символике. Особенность подобного номинирования дома видится в роли символики цвета в языковом сознании кыргызского народа, а также в пространственной семиотизации объектов окружающего мира. Кыргызский исследователь К. Саматов отмечал, что серый «в тюркских языках охватывает длинный цветовой спектр: серый — беловато-серый — голубой — серо-коричневый — рыжеватый — бело-красный — бледный. Кроме этих чисто цветовых сем ей присущи семы “мгла в воздухе”, “сумерки, заря”, “нетронутая земля, целина, залежная земля”, которые возникли и на основе цветового признака» (Саматов 106).

Можно заметить, что вариативность сем, возникших на основе серого, передает широкий спектр его геосимволического потенциала в тюркских языках. По мнению К. Саматова, «редкая встречаемость серого цвета в чистом виде в окружающей действительности и смежность ряда (беловатых, сероватых, голубоватых, желтоватых) тонов еще в далекой древности привели к тому, что боз — “серый” кроме чисто серого обозначало серый с примесью как ахроматических, так и хроматических цветов, и указывает также на потерю собственной семы “белый”» (Саматов 106).

«Боз» (серый) как ахроматический цвет с широким спектром символического цветоделения оказался и в номинировании кыргызской юрты. Думается, что в этом

можно наблюдать сложный процесс семиотизации пространства, основанный на комплексе принципов взаимодействия природных и культурных факторов. Особенность серого как нейтрального цвета заключается в том, что он, «оказывая физическое, оптическое и эмоциональное воздействие на зрительный орган человека, вызывает различные эстетические чувства» (Миронова; Цойгнер). И, думается, этот фактор в именовании юрты сопряжен с особенностями природной картины проживания кыргызов, с преобладанием горного и предгорного ландшафта, с богатой цветовой палитрой, динамика которой изменчива в течение суток и времени года. Это, безусловно, влияет и на цветовосприятие: на фоне полихроматичной картины ландшафта на серой юрте концентрируется глаз как на устойчивой, спокойной цветовой доминанте. Тем самым это демонстрирует стратегию геосемиотики, формирующей визуально-пространственный код, который в данном случае связан с цветовой сферой визуального восприятия, закрепленного в языковом сознании в форме лингвистических концептов.

Также можно предположить, что серый передает натуральный цвет овечьей шерсти (белый, коричневый, черный и их оттенки), что в полной мере коррелирует со смыслом наименования казахской юрты с символическим доминированием материала (шерсть) изготовления войлока. В этом случае также можно говорить о символике цвета, закрепленной в языковом сознании, истоки которого восходят к мифо-ритуальным представлениям далеких предков кыргызов (Guardiano).

Как показал анализ, концепт «үй» (дом) и у казахов, и у кыргызов как своего рода семиотический архетип имеет универсальные символические смыслы. Являясь ключевым в концептосфере культуры этих народов,

закрепленный в их языковом сознании, он выступает как один из компонентов семиозиса социального пространства. Этнокультурные особенности семиосферы юрты закреплены за лексемами «киіз» и «боз», которые указывают на семиотический ресурс кодирующих структур, в данном случае ориентированных на визуальную модальность.

Заключение

Особенность семиотических исследований заключается в некой конвенциональности принятия того, что «смыслы не являются замороженными и фиксированными вещами, которые должны быть извлечены и расшифрованы аналитиками» (Skrede and Andersen). Более того, исследование семиозиса, рассматриваемого как кодирование предметного мира и пространственных форм, позволяет обнаруживать их обусловленность

определенными культурными значениями, языковым сознанием, визуальными представлениями и другими модальностями антропологических «измерений» мира.

Тем самым можно констатировать, что предпринятый в статье поиск этнокультурной стратегии семиозиса на примере рассмотрения казахской *киіз үй* и кыргызской *боз үй* юрты, показал перспективность применения семиотических стратегий не только в изучении семиосферы современного социально означенного пространства, но и объектов, артефактов так называемой традиционной культуры, в частности тюркского кочевого мира. Это позволяет расширить границы понимания смыслов, содержащихся в знаках, языке любой культурной целостности или ее фрагмента, а также служит преодолению устоявшихся стереотипов в их толковании, поскольку знаки и культурные коды несут в себе множественный потенциал смыслов.

Список источников

- Eicher-Catt, Deborah. "Peirce, Dewey, and the Aesthetics of Semioethics." *The American Journal of Semiotics*, vol. 37, no. 3, 2021, pp. 161–192. DOI: 10.5840/ajs20223475.
- Guardiano, Nicholas. "Transcendentalist Encounters with a Universe of Signs." *The American Journal of Semiotics*, vol. 37, no. 1–2, 2021, pp. 5–45. DOI: 10.5840/ajs202172772.
- Karutz, Richard. *Sredi kirgizov i turkmenov na Mangyshlake [Among the Kirghiz and Turkmen in Mangyshlak]*. Transl. from German by Evgeniya Petri, St. Petersburg, Publication of A. F. Devrient, 1810. (In Russian)
- Kristeva, Yuliya. *Semiotika: Issledovaniya po semanalizu [Semiotics: Research on Semanalysis]*. Transl. from French by Elna Orlova. Moscow, Akademicheskyy Proekt, 2013. (In Russian)
- Merkoulova, Inna. "Looking at the Stars in the Twenty-First Century: Lotman's Semiotics, Progress and Utopia." *Social Semiotics*, vol. 32, no. 5, 20 October 2022, pp. 655–670. DOI: 10.1080/10350330.2022.2157173.
- Skrede, Joar, and Bengt Andersen. "Visualising the Past for the Future: a Social Semiotic Reading of Urban Heritage." *Social Semiotics*, 2022. DOI: 10.1080/10350330.2022.2035654.
- Вежбицкая, Анна. *Язык. Культура. Познание*. Москва, Русские словари, 1997.
- Даль, Владимир. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Том IV. Москва, Русский язык, 1980.
- Иванов, Вячеслав, и Владимир Топоров. *Славянские языковые моделирующие системы (древний период)*. Москва, Наука, 1965.
- Каруц, Рихард. *Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке*. Перевод с немецкого Евгения Петри. Санкт-Петербург, Издательство А. Ф. Девриена, 1911.
- Кристева, Юлия. *Семиотика. Исследования по семанализу*. Перевод с французского Эльны Орловой. Москва, Академический проект, 2015.
- Лихачев, Дмитрий. «Концептосфера русского языка». *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*, т. 52, № 1, 1993, с. 3–9.
- Лотман, Юрий. *Семиосфера*. Санкт-Петербург, Искусство-СПБ, 2000.
- Миронова, Ленина. *Цветоведение*. Минск, Вышэйшая школа, 1984.
- Плутарх. *Застольные беседы*. Ленинград, Наука, 1990.
- Потураева, Евгения, и Евгения Шерина. «Концепт "Дом" в гуманитарных науках: анализ понятийного, ценностного и образного компонентов». *Современные проблемы науки и образования*, № 6, 2014, www.science-education.ru/ru/article/view?id=16663. Дата доступа 25 февраля 2023.
- Саматов, Кубатбек. «Лексемы, выражающие ахроматические цвета ак "белый", кара "черный" и боз "серый" в кыргызском языке». *Проблемы современной науки и образования*, № 10 (52), 2016, с. 97–109, www.ipi1.ru/images/PDF/2016/52/PMSE-10-52.pdf. Дата доступа 25 февраля 2023.

- Севортян, Эрванд. *Этимологический словарь тюркских языков*. Москва, Наука, 1974.
- Ушаков, Дмитрий. *Толковый словарь современного русского языка*. Москва, Аделант, 2014.
- Цойгнер, Герхард. *Учение о цвете (популярный очерк)*. Перевод с немецкого Э. Н. Зеликиной. Москва, Издательство литературы по строительству, 1971.
- Чертов, Леонид. «Семиотизация пространства и визуальные коды». Чертов, Леонид. *Знаковая призма. Статьи по общей и пространственной семиотике*. Москва, Языки славянской культуры, 2014, с. 87–91.
- Шанский, Николай. *Этимологический словарь русского языка*. 2-е издание. Москва, Дрофа, 2000.
- Шпенглер, Освальд. «Пессимизм?» *Европейский альманах*. История. Традиции. Культура. Москва, Наука, 1991.
- Шутова, Елена, и Инга Степанова. «Дом и бездомье в философско-антропологической рефлексии». *Вестник Курганского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки»*, выпуск 7, № 3, 2011, с. 104–109.

References

- Chertov, Leonid. “Semiotizatsiya prostranstva and vizualnie kody.” [“Semiotization of Space and Visual Codes.”] Chertov, Leonid. *Stati po obshey and prostranvennoy semiotiki* [Article on Common and Spacial Semiotics]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kulturi, 2014, pp. 87–97. (In Russian)
- Dal, Vladimir. *Tolkovyi Slovar Zhivogo Velikorusskogo Yazyka* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language]. Moscow, Russkiy yazyk, 1980. (In Russian)
- Eicher-Catt, Deborah. “Peirce, Dewey, and the Aesthetics of Semioethics.” *The American Journal of Semiotics*, vol. 37, no. 3, 2021, pp. 161–192. DOI: 10.5840/ajs20223475.
- Guardiano, Nicholas. “Transcendentalist Encounters with a Universe of Signs.” *The American Journal of Semiotics*, vol. 37, no. 1–2, 2021, pp. 5–45. DOI: 10.5840/ajs202172772.
- Ivanov, Vyacheslav, and Vladimir Toporov. *Slavyanskiye yazykovyye modeliruyushchiye sistemy (drevniy period)* [Slavic Language Modeling Systems (Ancient Period)]. Moscow, Nauka, 1965. (In Russian)
- Karutz, Richard. *Sredi kirgizov i turkmenov na Mangyshlake* [Among the Kirghiz and Turkmen in Mangyshlak]. Transl. from German by Evgeniya Petri, St. Petersburg, Publication of A. F. Devrient, 1810. (In Russian)
- Kristeva, Yuliya. *Semiotika: Issledovaniya po semanalizu* [Semiotics: Research on Semanalysis]. Transl. from French by Elna Orlova. Moscow, Akademicheskiy Proekt, 2013. (In Russian)
- Likhachev, Dmitriy. “Ot teorii slovesnosti k strukture teksta.” [“From Theory of Folklore to Structure of Text.”] *Kontseptosfera russkogo yazyka* [Conceptosphere of the Russian Language]. Moscow, Akademia, 1993, pp. 3–9. (In Russian)
- Lotman, Yuriy. *Semiosfera. Kultura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov. Stati, Issledovaniya, Zametki.* [Semiosphere. Culture and Explosion. Inside Thinking Worlds. Articles. Studies, Notes]. St. Petersburg, Isskustvo-SPB, 2000. (In Russian)
- Merkoulova, Inna. “Looking at the Stars in the Twenty-First Century: Lotman’s Semiotics, Progress and Utopia.” *Social Semiotics*, vol. 32, no. 5, 20 October 2022, pp. 655–670. DOI: 10.1080/10350330.2022.2157173.
- Mironova, Lenina. *Tsvetovedenie* [Color Science]. Minsk, Vysheyshaya Shkola, 1984. (In Russian)
- Plutarchus, Lucius. *Zastolnyye besedy* [Table Talks]. Transl. from Greek by Nina Braginskaya, et al. Leningrad, Nauka, 1990. (In Russian)
- Poturayeva, Yevgeniya, and Yevgeniya Sherina. “Kontsept “Dom” v gumanitarnykh Naukakh: analiz ponyatiynogo, tsennostnogo i obraznogo komponentov [Concept “Home” in the Humanities: Analysis of Conceptual, Value and Image Components.] *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], no. 6, 2014, www.science-education.ru/ru/article/view?id=16663. Accessed 3 September 2023. (In Russian)

Samatov, Kubatbek. "Leksemy, vyrazhayushchiye akhromaticheskiye tsveta ak "belyi", kara "chernyi" i boz "seryi" v kyrgyzskom yazyke" ["Lexemes Expressing Achromatic Colours Ak "White", Kara "Black" and Boz "Grey" in Kyrgyz Language."] *Problems of Modern Science and Education*, no. 10 (52), 2016, www.ipi1.ru/s/10-00-00-filologicheskie-nauki/691-leksemy-vyrazhayushchie-akhromaticheskie.html. Accessed 9 March 2023 (In Russian)

Sevortian, Ervand. *Etimologicheskii slovar tyurkskih yazikov [Etymological Dictionary of Turkic Languages]*. Moscow, Nauka, 1974. (In Russian)

Shansky, Nikolai. *Etimologicheskii Onlain Slovar Russkogo Yazika [Etymological Dictionary of the Russian Language]*. Moscow, Drofa, 2000. (In Russian)

Shutova, Elena, and Inga Stepanova. "Dom i bezdome v filosofsko antropologicheskoi refleksii [Home and Homelessness in Philosophical and Anthropological Reflection.]" *Bulletin of KSU*, no. 7, 2011, pp. 104–109. DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-3-483–492. (In Russian)

Skrede, Joar, and Bengt Andersen. "Visualising the Past for the Future: a Social Semiotic Reading of Urban Heritage." *Social Semiotics*, 2022. DOI: 10.1080/10350330.2022.2035654.

Spengler, Oswald. *Pessimizm? [Pessimism?]*. Moscow, Nauka, 1991. (In Russian)

Ushakov, Dmitriy. *Tolkovyi slovar sovremennogo russkogo yazika. [the Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language]*. Moscow, Russkiy yazyk, 2014. (In Russian)

Wierzbicka, Anna, editor. *Yazyk. Kultura. Poznaniye [Language. Culture. Cognition]*. Moscow, Russkie Slovari 1997. (In Russian)

Zoigner, Gerhard. *Uchenie o tsvete (Populyarnii Ocherk) [The Doctrine of Color (A Popular Essay)]*. Moscow, Izdatelstvo literatury po stroitelstvu, 1980. (In Russian)

Альмира Наурзбаева

Құрманғазы атындағы Қазақ ұлттық консерваториясы (Алматы, Қазақстан)

ЭТНОМӘДЕНИ СЕМИОЗИС АСПЕКТІСІНДЕГІ ҚАЗАҚ КИИЗ ҮЙ ЖӘНЕ ҚЫРҒЫЗ БОЗ ҮЙІ

Аңдатпа. Қазақ киіз үй және қырғыз боз үйі әр оқылым сайын жаңа мағыналары ашылатын мәдениеттің пәндік әлемін бейнелейтін мәтін ретінде әрекет етеді. Сондықтан зерттеудің мақсаты Юрий Лотманның мәдени семиотикасының объективі арқылы киіз үйдің этномәдени кодын және семиозын талдаудың әдіснамалық негізін жасау болып табылады.

Семиология және оның белгілерде жасырылған әлемді «көрудің» жаңа тәсілдерін табу мүмкіндігі ұлттық әлем бейнесін әлемнің тілдік бейнесінде үндеу өзекті болды. Талдау негізі – концептосфера, семиосфераның қосалқы жүйесі. Кеңістіктің әлеуметтік белгілеу қағидаларын қарастыратын геосемиотика қағидалары визуалды семиотика әдістемелерімен үндестіріліп қолданылды. Сондай-ақ қырғыз киіз үйінің түс белгісін түсіндіру үшін визуалды антропология әдісінің жеке аспектісі қолданылды.

Киіз үйдің этникалық (қазақ және қырғыз) атауына баса назар аудару кездейсоқ емес, өйткені мәдени жәдігер тек шынайы тілде тұжырымдама ретінде талқылануы мүмкін. Киіз үй жалпы «үй» тұжырымдамасы ретінде қарастырылады, оның этимологиясында әмбебап және этникалық ерекше маңызы бар. Қазақ және қырғыз тілдеріндегі киіз үйді номинациялаудағы айырмашылықтың себептері: «киіз үй» және «боз үй» мәселесі қаралды.

Қазақ киіз үйі мен қырғыз боз үйінің семиозисының этномәдени стратегиясын іздеу қазіргі мәдени ортаның объектілерін де, дәстүрлі мәдениеттің жәдігерлерін де зерттеуде семиотикалық стратегияларды қолданудың перспективасын көрсетті. Жаңа тәсілдер мәдени белгілердің мағыналарын түсіндірудегі стереотиптерді жеңуге мүмкіндік береді.

Тірек сөздер: семиозис, қазақ киіз үйі, қырғыз боз үйі, этномәдениет, тұжырымдама, семиосфера, геосемиотика.

Дәйексөз үшін: Наурзбаева, Альмира. «Этномәдени семиозис аспектісіндегі қазақ киіз үй және қырғыз боз үйі». *Central Asian Journal of Art Studies*, т. 8, № 1, 2023, 44–45 б. DOI: 10.47940/cajas.v8i1.673.

Автор қолжазбаның соңғы нұсқасын оқып құптады және мүдделер қақтығысы жоқ екендігін мәлімдейді.

Almira Naurzbayeva

Kurmangazy Kazakh National Conservatory (Almaty, Kazakhstan)

KAZAKH (KIIZ UY) AND KYRGYZ (BOZ UY) YURTS IN TERMS OF ETHNO-CULTURAL SEMIOSIS

Abstract. The kazakh (*kiiz uy*) and kyrgyz (*boz uy*) yurt, representing the object world of culture, act as a text, with each reading of which its new meanings are revealed. The study aim is to consider the possibilities of analyzing the ethno-cultural code and semiosis of the yurt in the aspect of Yuri Lotman's methodology of cultural semiotics, based on the "presumption of semiotics", which provides prospects for an interdisciplinary approach to the phenomenon of text and culture.

Semiology and its ability to find new ways to "discern" the world, hidden in signs, has made the reference to the language picture of the world as a verbally expressed national picture of the world. The yurt interlaced architecture mastery, architecture, art. The analysis focuses on the conceptosphere as a subsystem of the semiosphere. The methods of visual semiotics combined with the principles of geosemiotics, which considers the principles of social signification of space, are used. A particular aspect of the visual anthropology method is also used to interpret a colour denotation of the kyrgyz yurt.

The emphasis on the ethnic (kazakh and kyrgyz) name of the yurt is not accidental, as only in authentic linguistic expression ca cultural artefact can be discussed as a concept. The yurt is considered as a concept of "home", which has a universal and ethnically specific meaning contained in its etymology. The issue of reasons for the nomination difference in the yurt in the kazakh and kyrgyz languages: (*kiiz uy*) and (*boz uy*) is considered.

The search for ethno-cultural semiosis strategies for the kazakh *kiiz uy* and the kyrgyz *boz uy* yurt has shown the promising application of semiotic strategies in the study of both objects of modern cultural environment and artifacts of traditional culture. New approaches will allow to overcome stereotypes in the interpretation of meanings of cultural signs.

Keywords: semiosis, kazakh yurt (*kiiz uy*), kyrgyz yurt (*boz uy*) ethnoculture, concept, semiosphere, geosemiotics.

Cite: Naurzbayeva, Almira. "Kazakh (Kiiz Uy) and Kyrgyz (Boz Uy) Yurts in Terms of Ethno-Cultural Semiosis." *Central Asian Journal of Art Studies*, vol. 8, no. 1, 2023, pp. 66–81. DOI: 10.47940/cajas.v8i1.673.

The author has read and approved the final version of the manuscript and declares that there is no conflict of interests.

Автор туралы мәлімет:

Альмира Бекетқызы Наурзбаева — философия ғылымдарының докторы, Құрманғазы атындағы Қазақ ұлттық консерваториясының әлеуметтік-гуманитарлық пәндер кафедрасының профессоры (Алматы, Қазақстан)

Сведения об авторе:

Альмира Бекетовна Наурзбаева — доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахской национальной консерватории имени Курмангазы (Алматы, Казахстан)

Author's bio:

Almira B. Naurzbayeva — PhD, Professor, Social and Humanitarian Disciplines Department, Kurmangazy Kazakh National Conservatory (Almaty, Kazakhstan)